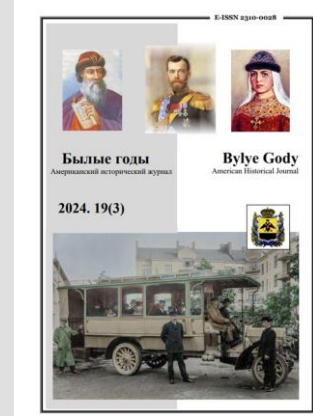

Copyright © 2024 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2024. 19(3): 1382-1393
 DOI: 10.13187/bg.2024.3.1382

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Quasi-Police of the Counties of the Transcaspian Region in the Russian Empire During the Fight against Robberies and Banditry

Ilya I. Aminov ^{a, *}

^a Moscow Polytechnic University, Russian Federation

Abstract

The article is devoted to the study of one of the main problems of the establishment of Russian power during the gradual occupation by the Russian Empire of the territory of settlement of Central Asian peoples - the establishment of peace and security, both in the Transcaspian region and throughout Central Asia. At the same time, historical sources eloquently testify to the opposition to this policy of a significant number of organized gangs engaged in raids, robberies, robberies, threatening the peaceful and submissive part of the local population. Since regular police institutions were still being planned in the counties of Transcaspia at the beginning of the 20th century, the district administration of the region, which performed military, police and economic functions, was forced to form quasi-police units in order to ensure law and order. This approach in the Transcaspian region led to the recruitment of the county guard mainly from freelance Turkmen cavalymen (dzhigits) who were well aware of regional extreme conditions, the national language, traditions and customs of the Turkmen. The assignment of police duties to regular military personnel was recognized as untenable not only due to their ignorance of the language and way of life of the local population, but also the complete inconsistency of the military ranks being sent to perform basic police duties, due to the desire of the military command to get rid of those who were unsuitable for combat service, or, more often, violated military discipline. However, the recruitment of police guards from Turkmen horsemen, with all the side difficulties, did not help solve another, no less important problem of combating robberies and robberies - to establish the activities of criminal investigation, inquiry and investigation bodies on the periphery of the counties of the Transcaspian region, the recruitment of which required the involvement of qualified specialists – true fighters against especially serious mercenary and violent crimes.

Keywords: Transcaspian region, Alaman, gangs, city police, county quasi-police, Turkmen, horsemen, search, investigation, inquiry.

1. Введение

Закаспийская область Российской империи была учреждена 6 (18) мая 1881 г., став своеобразным итогом восьмидесятитрехлетнего продвижения России к восточному побережью Каспийского моря и далее вглубь земель, заселенных туркменскими племенами и казаками адаевского рода. Окончательное оформление этого выгодного геополитического для России края произошло в 1890 г. (*Закаспийская область, 1890–1907: 89*). Его военно-административным центром стал город Асхабад (в настоящее время г. Ашгабат – столица современного государства Туркменистан) (см. *Рисунок 1*).

* Corresponding author

E-mail addresses: aminovii@mail.ru (I.I. Aminov)

Рис. 1. Карта Закаспийской области Российской империи

Тридцать первого января 1890 г. был утвержден геральдический символ Закаспийской области – герб этой административно-территориальной единицы, находившейся в ведении Военного министерства Российской империи. Область простиралась между восточными берегами Каспийского моря, западными границами Хивинского ханства и Бухарского эмирата, граничила на севере с Уральской областью, на юге – с Афганистаном и Ираном. До октября 1920 года область делилась на пять уездов – Асхабадский, Тедженский, Красноводский, Мервский, Мангышлакский, которые, в свою очередь, делились на аульные общества. Некоторые уезды в силу неоднородной этнографической специфики делились еще и на приставства. Протяженность области составляла 501 698 кв. верст (535 430 кв. км), что значительно превышало по площади многие губернии центральной части дореволюционной России. В настоящее время территория бывшей Закаспийской области составляет большую часть независимого государства Туркменистан¹.

На территории области с приходом русских в кратчайшие сроки были конкретизированы права и обязанности местного населения, создана иерархия органов исполнительной власти, учреждена на основе российской модели судебная система. Несмотря на эти значимые цивилизационные изменения, наиболее непокорные представители туркменских племен дезорганизовывали мирную жизнь разбойничьими набегами, что потребовало от областной администрации наладить в срочном порядке функционирование уездной квазиполиции, нацеленной на ликвидацию подобных и других негативных явлений. Однако материальные, кадровые, организационные и иные трудности как на местном, так и на центральном уровне мешали оперативному решению этого вопроса.

2. Материалы и методы

С целью выявления специфических черт функционирования государственного механизма Российской империи, ее институтов, деятельности военных, правоохранительных и иных органов

¹ В октябре 1920 г. Мангышлакский уезд, большую часть населения которого составляли казахи, был передан в состав Киргизской АССР. Ныне это территория Мангистауской области Казахстана.

применительно к Закаспийской области были использованы материалы ГА РФ – Государственного архива Российской Федерации (фонд 102, Москва, Российская Федерация); РГВИА – Российского государственного военно-исторического архива (фонды ВУА, 400, 400-И, 8310, Москва, Российская Федерация); РГИА – Российского государственного исторического архива (фонд 1683, Санкт-Петербург, Российская Федерация); ЦГАТ – Центрального государственного архива Туркменистана (фонды 1, 97, 141, Ашхабад, Туркменистан); ЦГА КР – Центрального государственного архива Кыргызской Республики (фонд И-46, Бишкек, Кыргызстан). Согласно этим и другим материалам, эффективность деятельности местных органов управления в Закаспии зависела от учета криминальной обстановки, местных условий, родовых обычаев и традиций коренного населения, близости влияния афгано-иранского и кавказского факторов и т.д. Так, например, традиция доимперского периода (поклонение единоличной власти туркменских ханов) стала основанием для установления военно-народного (имперского) управления, осуществлявшегося по специальному положению ([Временное положение...](#), 1892), не исключавшего применения норм обычного (адатного) права туркмен.

Применение конкретно-исторического и системного методов исследования в отношении архивных материалов, нормативных правовых актов Российской империи, отдельных изданий дореволюционной печати позволило сделать вывод о прогрессивном влиянии российской правовой культуры на коренное население, постепенное осознание вредности и невыгодности отдельных национальных обычаев. Если с самого начала образования Закаспийской области (1881 г.) общероссийские законы распространялись на пришлое население (крестьяне-переселенцы, рабочие, торговцы и прочие), а коренное население следовало нормам обычного (адатного) права ([ЦГАТ. Ф. 1, Оп. 2. Д. 4187. Л. 39, 43](#)), то после реформирования судебно-правовой системы в Закаспии из ведения местных судов были изъяты и переданы в подсудность российских судов дела об аламанстве (туркм.: «ал» – возьми, «аман» – добро, – национальный обычай, сопровождавшийся регулярными набегами на территории соседних государств, а также чужих племен в целях разбоя, грабежа), «кровной мести», саморасправе, насильственном захвате имущества и др. Принцип коллективной (родоплеменной) ответственности и защиты в крае сменился индивидуальной ответственностью за совершенные преступления. Однако до полного умиротворения Закаспийской области, как и всего Туркестана, было еще далеко. Показатели роста организованных разбоев и грабежей (набегов) со стороны криминальной части коренного населения свидетельствовали о недостаточности административно-полицейских мер в борьбе с этими преступлениями ([Отчет по ревизии...](#), 1910: 184-185).

3. Обсуждение

Прежде чем приступить к рассмотрению вопроса об организации деятельности уездной квазиполиции Закаспийской области, отметим определенную тенденциозность в некоторых иранских сочинениях ([Реза-кули-хан, 1938](#)) и хивинских хрониках ([Мунис и Агехи, 1938: 401, 502-503](#)), некритически подхваченную отдельными европейскими исследователями. В этих трудах туркменский этнос изображался криминальным явлением, для которого на протяжении веков главным источником выживания служили разбойничьи набеги. Так, по мнению иранского сановника XIX столетия Риза-кули-хана, туркмены никогда не утруждали себя хлебопашеством, что служило основой процветания цивилизованных стран, а все время проводили в набегах, существуя от продажи пленных на невольничьих рынках Кокандского, Хивинского ханств и Бухарского эмирата ([Реза-кули-хан, 1938: 87](#)). Эти и подобные им рассуждения в работах других «знатоков Туркмении», таких, как венгерский востоковед А. Вамбери, русский этнограф П.С. Васильев, стали основанием возведения аламана в ранг главного занятия туркмен не только по причине скудности закаспийской природы, но и врожденной склонности к разбойной жизни. Такие подходы подменили подлинное изучение фактов и не имели ничего общего с национальным характером туркменского народа ([Вамбери, 1863; Васильев, 1888: 6-8](#)).

Составители сборника архивных материалов «Россия и Туркмения в XIX в.», советские историки А.Г. Соловьев и А.А. Сенников решительно возражали против стремления объявить аламанов основным занятием закаспийских туркмен ([Россия и Туркмения...](#), 1946). Однако и они не удержались от неверных позиций, попытавшись, хотя и не явно, оправдать набеги, инициировав тем самым справедливую критику в свой адрес на страницах журнала «Вопросы истории» ([Халфин, 1948](#)). Значительная неточность была допущена также советским востоковедом А.И. Акатовой, которая предприняла попытку объявить аламанов справедливой национально-освободительной войной туркменского народа против имперского произвола, несмотря на исторические факты грабежа и работорговли ([Акатова, 1950](#)). Были среди исследователей и те, кто грабежи и вымогательства связывал с малой эффективностью земледелия и скотоводства, ростом калыма (выкупа за невесту), пытался «причислить» аламанов не столько к преступлениям, сколько к военному искусству, удалству, доблести смелого и свободолюбивого туркменского народа, не терпящего рабства и не прощающего обид ([Андреев, 1902](#)).

Несомненно, все эти источники на протяжении длительного времени требовали критического осмысления, но при сопоставлении дали исторической науке убедительный, неопровержимый материал. Так, академик Академии наук ТССР А.А. Росляков, проанализировал около двухсот набегов, нашедших отражение в архивных материалах, включая их изображение в туркменских преданиях,

произведениях классиков туркменской поэзии XV-XIX вв. (Махтум-Кули, Молла-Непес, Кемине), показаниях очевидцев и других источниках. Не называя грабительские набеги сугубо «туркменским делом», ученый причислил их к пережиткам прошлого многих патриархально-феодалных обществ, будь то туареги Сахары, бедуины Аравии, горцы Кавказа, скандинавские мореходы (Росляков, 1950). К наиболее масштабным аламанам, но под другими названиями, некоторые ученые советской поры относили и крестовые походы королевств Западной Европы, и нашествия монгольских полководцев (Чингиз-хан, Батый) (Карпов, 1931). Следует отметить, что и сами туркмены подвергались набегам со стороны иранских и афганских бандформирований. Исторические труды авторов этих государств сообщают об уничтожении целых туркменских аулов, истреблении и обращении в рабство туркменского населения независимо от пола, возраста, общественного положения. При таких последствиях аламаны туркменами совершались как акты мести, в целях освобождения угнанных в плен родственников, возвращения отнятого имущества или возмещения нанесенного ущерба (Хайтлиев, 1986: 174, 232).

Анализ исторических источников позволил подробно изучить вопрос об истоках, характере, социальной сущности аламанства. Однако для правильной оценки его затаянного, труднопреодолимого характера понадобились и сведения о методах противодействия этому социальному злу, что оказалось сложно ввиду ограниченности исторических свидетельств. Среди доступных для анализа источников имеются Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенный по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом (Отчет по ревизии..., 1910), а также отдельные статьи современных авторов. Об этом свидетельствует, в частности, учреждение в 1907 г. Туркестанского Районного охранного отделения (ТРОО) в г. После событий 1905–1907 гг. в России, наблюдался рост панисламизма, пантюркизма, иностранного шпионажа в преддверии Первой мировой войны (Литвинов, 2014; Хутарев-Гарнишевский, 2022 и другие).

4. Результаты

Согласно Временному положению об управлении Закаспийской областью, (ст. 21) в уездах Закаспия административно-полицейские и судебные функции возлагались на уездных начальников, осуществлявших общее управление уездом. Кроме того, они контролировали, а иногда и председательствовали при разборе судебных дел народными (адатными) судьями, которые, как и сельские управители, избирались из коренного населения. Другими словами, обязанности уездных исправников Империи исполнялись российскими уездными начальниками на основании общих для уездной полиции правил настолько, насколько эти правила соответствовали местным условиям (Временное положение..., 1892). Сосредоточение всех ветвей власти в одних уездных руках было обусловлено необходимостью создания за короткий промежуток времени нового режима государственности в отсталых среднеазиатских окраинах Российской империи.

Каждому из уездных начальников области, должности которых занимали исключительно военные чины, для содействия в исполнении не только полицейских, но и иных обязанностей полагалось только по одному помощнику. Кроме того, согласно ст. 32 этого Положения, к выполнению полицейских и распорядительных функций в волости привлекались местные управители, в основные обязанности которых входило наблюдение за сохранением спокойствия и порядка в волости, немедленное прекращение всякого буйства и драки, надзор за исполнением законов и приказаний начальства и т.д.

Нижних чинов полиции или полицейской стражи в уездах Закаспия не было, следовательно, в области не было и полиции безопасности, а борьба с преступностью нуждалась в особой организации, финансовой поддержке и кадровом обеспечении. Между тем, кроме уездных городов Асхабада и Красноводска, в которых царил законность и правопорядок, в Мангышлакском, Тедженском, Мервском уездах, согласно статистическим данным, растущим с каждым годом явлением стали грабежи и разбой (по-местному «аламаны») (Отчет по ревизии..., 1910: 184-185). Так, из 167 дел, направленных в 1907 г. в следственные органы, 28 дел относились к Мервскому уезду, остальные дела были посланы полицией города Мерва в Асхабад. Борьба с преступностью уездному начальству было сложно из-за отсутствия профессиональной полиции или специализированной стражи. Несмотря на развитие в Закаспии земледелия и переход большей части населения к мирному оседлому образу жизни, часть склонного к грабежу кочевого населения подрывало гарантии национальной безопасности и стабильности в области, о чем свидетельствовали исторические параллели: присоединение к Российской империи Казанского ханства, Кавказа и всей Средней Азии (РГИА. Ф. 1683. Оп. 1. Ед. хр. 88. Л. 22).

Туркменская конная милиция области (см. Рисунок 2), дислоцированная на западе Ашхабада (пос. Кеши) (Высочайше утвержденное..., 1887: 63-64) и выступавшая как воинское подразделение в ранге дивизиона, занятая охраной приграничных постов, Закаспийской военной железной дороги и другими обязанностями (РГВИА. Ф. 400. Д. 43. 1881. Л. 1; РГВИА. Ф. ВУА. Д. 6948. 1885. Л. 1; ЦГАТ. Ф. 97. Оп. 1. Д. 69. Л. 28), при всех дарованных ей преимуществах и привилегиях (РГВИА. Ф. 831. Оп. 1. Д. 995. 1911. Л. 42-42(об); РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 1459. Л. 17) не всегда могла оперативно прибыть по приказу уездной администрации. Данный факт усиливал необходимость содержать на местах

дополнительные квазиполицейские силы, обеспечивая, таким образом, общественный порядок и спокойствие на периферии.

Рис. 2. Туркменский милиционер. Фотография из журнала «Разведчик». 11 июля 1900 г. № 508

Несмотря на то что аламанство на территориях проживания туркмен никогда не носило массового (национального) характера, из переписки за 1907 г. начальника Мангышлакского уезда с начальником Закаспийской области было выявлено, что на Мангышлаке в течение короткого времени сформировалась разбойничья банда в составе 50 человек, члены которой в зависимости от масштаба и трудности планируемого набега осуществляли грабежи либо отдельными группами, либо совместно. В любом случае они всегда наводили панику на население, угоняли лошадей и верблюдов, грабили торговые караваны и паломников. Дислоцируясь в центральной части Усть-Урта (степи, лежащей между Аральским и Каспийским морями), банда практически полностью парализовала всякое сообщение Хивы с берегами Каспийского моря и Уральской областью ([Отчет по ревизии..., 1910: 184](#)). По причине отсутствия регулярной полиции и соответствующего военного оснащения уездная администрация была не в состоянии прекратить грабежи и разбои. Уездный начальник, сообщая об этом, просил о командировании на Усть-Урт казачьего подразделения из Аму-Дарьинского отдела, но разрешения от руководства области не получил. Вместо этого для исполнения полицейских функций было предложено воспользоваться пехотинцами из Форта-Александровского – административного центра Мангышлакского уезда. Пехоту рекомендовалось отправить в специальную экспедицию, посадив на верблюдов¹. Однако подобное предложение было явно невыполнимым. Русские пехотинцы, в отличие от аламанщиков, не умели выживать в сложных пустынных условиях: общаться с местным населением из-за незнания языка, довольствоваться водой редких полусохших колодцев, ориентироваться на местности, вести бой в темноте. Снабжение их верховыми лошадьми также не привело бы к успеху. Пехотинцы не владели даже простейшими приемами рубки и джигитовки. Таким образом, от посылки российских военных из Александровского форта пришлось отказаться.

¹ В различных изданиях отмечается удивительная дисциплинированность и выносливость этих животных в пустынных условиях. Верблюды по команде погонщика могут вставать и ложиться. Они крайне чувствительны к надвигающейся опасности и своим специфическим хрипом могут предупреждать об этом.

Действуя по обстоятельствам, начальник Мангышлакского уезда, воспользовавшись имевшимися в управлении остатками денежных сумм для содержания рассыльных-курьеров, подрядил на эти средства туркмен-кавалеристов (джигитов), включив в их состав волостных управителей и аульных старшин. Организованный таким образом отряд из 20 человек отправился в степь на ликвидацию банды. В результате этого похода было схвачено 11 конокрадов, переданных по возвращении джигитов народному суду. Однако никого из главарей и активных участников банды задержать или ликвидировать не удалось (*Отчет по ревизии..., 1910: 184-185*).

Экскурс в историю становления и развития Закаспийского края свидетельствует о том, что до занятия этого региона русскими аламаны служили для туркмен одним из источников выживания. Действительно, крайне скудная туркменская земля даже в случае настойчивого и тяжелого труда не могла прокормить большую часть своего населения (*РГВИА. Ф. 400. Оп. 1. Д. 99. 1881. Л. 18*) да и соблазн скорой и легкой добычи от грабежа был непомерно велик. Набеги зачастую производились на Персидские владения (северные и северо-восточные провинции Хорасана), Афганистан. Временами банды вторгались в Мерв (Репетекская дорога). Нередко брались в плен и русские подданные, занимавшиеся торговлей или рыболовством на восточном побережье Каспийского моря. Поскольку русские пленники ценились значительно выше азиатов, это подталкивало туркмен к нападению на русских подданных, которые при поощрении Коканда, Хивы и Бухары, крупнейших центров работорговли, пользовались на невольничьем рынке особым спросом. Заинтересованность этих ханств в столь специфическом товаре привела к тому, что некоторые из туркмен стали монопольными поставщиками русских невольников. Но чаще всего аламанчики не делали различий между чужими народами и своими туркменскими племенами. Сарыки нападали на салыров, текинцы – на иомудов и гоклан; гокланы и иомуды из жажды наживы и мести также не оставались друг перед другом в долгу; племя эрсари, проживавшее на территории Бухарского эмирата, нападало на кочевья Мерва. Однако любой туркменский набег чаще всего приписывался текинцам – наиболее воинственному и многочисленному туркменскому племени (*Записки..., 1880*).

Считая себя абсолютными хозяевами степей и пустынь, аламанчики не знали пределов своему хищничеству и жестокости. Ими угонялся скот, отбиралось имущество, уводились в плен мирные жители (см. *Рисунок 3*). Пленные мужчины, как наиболее «ходкий товар», после продажи на невольничьих рынках обращались в рабство, женщины либо брались аламанчиками в жены, либо делались наложницами (кырнах). Нераспроданных пленных аламанчики оставляли себе для «личного пользования» или отпускали, получив от родственников значительный выкуп. Один или два раба могли служить денежным эквивалентом при уплате за жену-туркменку (калым) (*Морозова, 1949: 68-70*).

Рис. 3. Возвращение с аламана
Источник: *Гродеков, 1883*

В начале XX века вследствие учреждения Закаспийского пограничного надзора и отчасти трудностей в организации и подготовке к набегам крупных отрядов аламаны туркмен существенно сократились, особенно в отношении внутренних территорий Персии. Вместе с тем аламанчики стали грабить персидских подданных вблизи границы в тот момент, когда «неверные шииты» (персы) появлялись на российской (закаспийской) территории по торговым, ремесленным, подрядным или иным

делам. Постепенно аламанчики стали совершать грабительские набеги и на внутренние территории Закаспийской области, от чего страдали не только персы и русские переселенцы, но и свои же туркмены.

В самом конце 1902 г. некоторые банды перешли под управление беспринципных и вероломных вождей. Согласно данным ревизии графа К.К. Палена, в Тедженском уезде в 1902 г. была сформирована шайка под предводительством Рамазина-Бербери. В 1908 году в Тедженском уезде было зарегистрировано пять разбойных нападений, в результате которых было угнано 170 овец, 100 голов крупного рогатого скота, 18 верблюдов. Участились случаи разбойных нападений, отличавшихся цинизмом и особой жестокостью. В 1904 году трех ограбленных туркмен недалеко от Серакса разбойники, после длительных пыток огнем, живыми зарыли в землю. В 1905 году число разбойных нападений в Тедженском уезде достигло шести. В результате было угнано 25 верблюдов, убит один пастух и двое ранены. В 1906 году последствиями трех разбойных нападений стали угон 12 верблюдов, отъем 800 рублей у афганских подданных. В 1907 году во время пяти разбойных нападений было угнано 34 верблюда. В 1908 году в Тедженском уезде было зафиксировано четырнадцать разбойных нападений, угон 3 500 голов скота ([Отчет по ревизии..., 1910: 186](#)).

Аламаны совершались разбойниками, как правило, на отборных породистых верховых лошадях. Бандиты, одетые в ватные халаты, с огромными овечьими папахами на головах были вооружены трехлинейными винтовками Мосина, пистолетами системы Маузер и Браунинг, изогнутыми клычками (саблями). Повсюду на рынках они имели своих осведомителей, а по дороге, ведущей в Хиву, организовывали этапные и передаточные пункты для снабжения своих отрядов продовольствием и фуражом. Разбойники значительно превосходили в вооружении силы уездной квазиполиции, и, даже спустя двадцать лет после образования Закаспийской области, охотников практически безнаказанно поаламанить было значительно больше по сравнению с теми, кто им противостоял. Так, например, в распоряжении Тедженского уездного начальника имелось всего лишь три туркмена-кавалериста. Волостные управители и аульные старшины, рапортовавшие начальству о неуловимых преступниках, зачастую не могли выполнять правоохранительных полицейских функций. Большинство из них не держало в руках даже охотничье ружье, а перед боевым оружием испытывало неподдельный страх. Местное кочевое и оседлое население, страдавшее от разбоев, охотно бы выдало властям грабителей, но, зная, что администрация не в состоянии гарантированно их защитить, опасалось мести как со стороны разбойников, так и их родственников, и не оказывало уездной администрации помощи ([Хуснутдинова, 2016](#)).

Такое ненормальное положение в Закаспии было отмечено генерал-губернатором Туркестанского края П.И. Мищенко в предписании от 18 ноября 1908 г. №14 на имя начальника Закаспийской области генерал-лейтенанта М.Д. Евреинова: «Из представленных Вами ведомостей о происшествиях видно, что за последнее время значительно увеличилось во вверенной Вам Области число грабежей и разбойных нападений, причем в большинстве случаев эти грабежи и разбойные нападения производятся вооруженными шайками. Вполне признаю, что крайняя ограниченность чинов полиции в городах и отсутствие полицейской стражи в уездах затрудняет борьбу с развивающимися грабежами и разбоями, но вместе с тем нахожу, что и при этих условиях возможно, при более энергичных действиях соответствующих чинов администрации и путем принятия мер, указанных в ст. 816 общ. учр. губ. т. II свод. зак., изд. 1892 года, если, не совсем искоренить разбойничьи шайки, то довести число их до минимума и ограничить деятельность их до таких пределов, чтобы случаи разбоев и грабежей представлялись явлением исключительным, а не обычным, как это происходит теперь. Необходимо прибегнуть к содействию самого населения. В нескольких местах представители его сделали мне заявление, что они сами укажут известных им неблагонадежных людей, занимающихся разбоем и укрывательством. Сообщая об этом для соответствующих распоряжений, прошу, о последующем мне донести» ([Отчет по ревизии..., 1910: 190](#)).

Следует отметить, что принятые со стороны уездной администрации всевозможные меры против грабежей и разбоев были бесполезны. Так, наиболее успешную деятельность развернула администрация Тедженского уезда. С помощью сформированных отрядов из джигитов и добровольцев-лезгин, способных участвовать в продолжительных погонах и перестрелках, в 1908 году была уничтожена банда под предводительством наиболее «дерзкого разбойника» Ай-Логды. Однако, когда уездная администрация обратилась к начальнику Закаспийской области, генерал-лейтенанту М.Д. Евреинову с просьбой об отчислении ей средств для найма еще шестерых специально обученных джигитов, ей из-за экономии средств в этом было отказано.

Граф К.К. Пален, производивший ревизию полиции безопасности Туркестанского края в 1908–1909 гг., наряду с организационно-кадровыми проблемами в ее деятельности назвал и другие причины распространения грабежей и разбойных нападений в уездах и приставствах Закаспийского края ([Отчет по ревизии..., 1910: 190](#)). При этом сама констатация Паленом этих причин способствовала формулировке мер по их возможному преодолению.

1. Неудовлетворительное состояние охраны государственных границ Российской империи на территориях, сопредельных с Афганистаном и Персией.

На границе с Афганистаном в Пендинском приставстве нередко происходили стычки с местным населением из-за угона скота. Афганские солдаты, разыскивая угнанный афганский скот и тех, кто

его похитил, самовольно переходили границы российской территории. В случае же необнаружения угнанного скота они хватали скот, принадлежавший непричастным к краже туркменам. Участились случаи, когда афганские солдаты, схватив мирных туркмен российского подданства, казнили их на российской границе. Афганской властью такие экспедиции объявлялись «карательными». Однако в обстановке даже непрерывной пограничной бдительности со стороны было невозможно определить, кто нападал, а кто совершал «ответный» набег или преследование (Росляков, 1955: 42).

Чтобы минимизировать подобные случаи и одновременно не усложнять российско-афганские отношения, руководство области пошло на увеличение пограничной стражи из местных джигитов, препятствующей переходу афганцами границы. Однако такая мера, на наш взгляд, не могла находиться только в компетенции администрации Закаспийской области, а зависела от мероприятий центральной власти, в числе которых было не только усиление кадрового состава пограничной службы и переориентация ее на выдворение афганских солдат, но и пресечение тайного перехода аламанниками российских границ.

В других уездах Закаспийской области, в том числе Мангышлакском, деятельность пограничной стражи осложнялась топографией края (масштабностью расстояний, безлюдьем и безводьем), а в южных районах области – близостью персидской границы, где необузданные своей дерзостью преступники всегда находили приют у соплеменников. Потворствовали аламану и персидские чиновники (ильхани) пограничных северных и северо-восточных провинций Ирана, особенно страдавших от набегов туркмен. Оставляя подвластное им население на произвол судьбы, ильхани безмерно богатели, получая от шаха значительные суммы, льготы и прочие выгоды для поддержания боевой готовности вооруженных сил, способных сдерживать «вероломных туркмен». Маскируя под аламан собственные хищения, ильхани не гнушались вступать с туркменами в тайные соглашения и нередко приглашали разбойников напасть на персидские селения для «сбора богатой жатвы» (Андреев, 1902: 130).

Особо отметим и то, что, несмотря на охрану российских рубежей, в Закаспии в начале XX столетия совместными усилиями военных, полицейских и таможенных служб специальное внимание к проблеме ликвидации особо опасных преступников оставалось в ведении Военного министерства. Об этом свидетельствует Инструкция командующего войсками Туркестанского военного округа пограничной страже от 2 марта 1892 г., подробно конкретизировавшая порядок пресечения пограничниками действий вооруженных лиц вплоть до ликвидации в случае сопротивления (ЦГА КР. Ф. И-46. Оп. 1. Д. 9). Изучение инструкции приводит к выводу о том, что Военное министерство, принимавшее столь решительные и масштабные меры, рассчитывало только на себя, поскольку не было заинтересовано во внедрении крупного контингента сил Департамента полиции МВД в связи с конкуренцией с этим ведомством.

Положение на российских границах усугублялось также близостью к области и повышенной транзитностью через Каспийское море «кавказского региона», кишевшего разного рода бандами (РГВИА. Ф. И-400. Оп. 1. Д. 3772. Л. 38-380б.). Трудности в охране закаспийских границ без реализации общих успешных проектов и международной поддержки по архивным данным лишь обострились в более поздние времена (ЦГАТ. Ф. 141. Оп. 1. Д. 145).

2. Служебная загруженность туркменских кавалеристов (джигитов). Исполнение ими наряду с полицейскими их функций и иных обязанностей.

Несмотря на то, что при уездных управляющих имелось некоторое количество джигитов¹, вооруженных револьверами и шашками, получавших жалованье от 300 до 860 рублей в год при собственном снаряжении и лошадях, содержавшихся на личные деньги, они зачастую исполняли свои прямые обязанности в качестве рассыльных (курьеров) и дежурных при их уездных начальниках, помощниках и приставах. Нередко кавалеристы-туркмены командировались в помощь старшинам туркменских селений для сбора податей и сопровождения должностных лиц при поездках по уезду. Иногда они заменяли проводников, служили для охраны порядка при пересчетах кибиток, исполняли требования о приводе обвиняемых и свидетелей, командировались в помощь волостными управителями при производстве розыска по уголовным делам и только в исключительных случаях посылались для совместных действий с джигитами соседних уездов и приставств для ликвидации аламанов.

При столь ничтожном вознаграждении уездные джигиты неизбежно и почти повсеместно были поставлены перед необходимостью искать себе средства к существованию незаконными способами, чему в значительной мере способствовал широкий круг их обязанностей, делавших их для местной (низовой) администрации и населения «нужными за определенную плату людьми». Последствиями такого «привилегированного» положения джигитов стали постоянные и основательные жалобы на незаконные с их стороны поборы и притеснения. Возложение же обязанностей в уездах по несению полицейской службы на русских военных было в самом начале образования Закаспийской области признано несостоятельным вследствие полнейшего несоответствия командироваемых воинских чинов к исполнению элементарных полицейских функций. Главная причина – стремление военного

¹ При Мангышлакском уездном управлении – 22, при Красноводском – 6, при Мервском – 6, при Асхабадском – 12. Содержались частично на земские суммы, частично – на общественные.

командования избавиться таким образом от тех, кто был непригоден к строевой службе, или нарушал воинскую дисциплину вплоть до аморальных поступков.

3. Неудовлетворительное состояние сыскного (розыскного) дела.

Как правило, розыск преступников и их обезвреживание поручалось местной администрации (волостным управителям и сельским старшинам), что не приводило к должному результату.

По причине ограниченных средств государственной казны, сопротивления Военного министерства внедрению на подведомственных ему территориях представительств Департамента полиции МВД розыскное дело в уездах практически не развивалось. В Мангышлакском уездном управлении имелся всего один тайный агент, получавший жалование в качестве джигита. В Красноводском уезде с 1905 по 1908 гг. в распоряжение уездного начальника на сыскное дело было отпущено всего 168 рублей. По известным причинам прибегать к помощи местных доморожденных «сыщиков» – изчи (туркм. от «из» (след) – человек, занимающийся поиском похищенного скота за вознаграждение, установленное адатом (обычаем) – в борьбе с аламанством уездное руководство не могло.

В Асхабадском уезде осуществление секретных розысков было возложено на полицмейстера г. Асхабада. Ему и Мервскому уездному начальнику ежегодно начислялось всего 50 рублей на содержание агентуры. Этих денег катастрофически не хватало для привлечения к службе нужных лиц, оперативно сообщавших важные сведения (ГА РФ. Ф. 102. ДП О.О. 1909. Д. 231. Л. 21, 22).

Списки же поднадзорных (неблагонадежных) лиц в уездных управлениях не велись, хотя эти обязанности возлагались на участковых и городских приставов. Только в Мангышлакском уездном управлении проверявшему чиновнику была предъявлена книга, в которой оказались записанными лица, сосланные как по приговорам суда, так и в административном порядке (Отчет по ревизии..., 1910: 189).

4. Некомпетентность и несвоевременность в действиях органов дознания и расследования преступлений.

В случае отсутствия на местах следственных органов дознание и следственные действия в городах производили участковые приставы – офицеры, прошедшие только военную подготовку. Выезд следователя на место преступления осуществлялся чрезвычайно редко. В Каракалинском приставстве, как и в других местах Закаспийской области, не производилось даже вскрытие трупов. Уездный врач проживал в г. Красноводске, а заведующий местным военным лазаретом – в г. Каракала. И тот, и другой отказывались выезжать на место происшествия, ссылаясь на невозможность покинуть клинику и лазарет, где под наблюдением находились больные. По этим причинам пристав совместно с местным фельдшером производил лишь первоначальный наружный осмотр трупов на месте их обнаружения.

О несвоевременности производства дознания можно судить из следующего примера, описанного в отчете Сенатора К.К. Палена. В октябре 1908 г. в Красноводском уездном управлении было получено известие о том, что в песках местечка Аджи-Гири было совершено убийство туркмена Ходжаева. Уездный начальник, поручив производство дознания своему помощнику, одновременно известил следователя и товарища прокурора об убийстве. Из-за того, что до места происшествия от станции железной дороги было более 90 верст (примерно 96 км), помощник уездного начальника послал туда туркмена-кавалериста с целью собрать на станции нужных для дознания людей. Поскольку джигит приказа не понял, то направил в г. Красноводск всех свидетелей этого убийства. В Красноводске очевидцы были допрошены помощником уездного начальника, который так и не осмотрел места происшествия. После этого дознание было передано следователю. Возникшая затем переписка между следователем и уездным начальником по вопросу, кто из чинов полиции будет сопровождать его в поездке на место происшествия, затянулась до ноября (Отчет по ревизии..., 1910: 189).

Если в уездах преступления совершались в период отсутствия на местах местной администрации, производство дознания еще более затягивалось. При таких условиях, если материалы дела и поступали на рассмотрение суда, то с большим опозданием. К тому времени между сторонами чаще всего наступало примирение, в связи с чем добиться от свидетелей правдивых показаний суду становилось чрезвычайно сложно. При недостаточности улик большая часть убийств и других преступлений, совершенных в степях Закаспийской области, оставались нерасследованными. Частные лица и сельская администрация предпочитали скрывать преступления, чем выезжать за сотни верст в различные судебные инстанции для дачи показаний.

Таким образом, некомпетентность и несвоевременность в действиях органов дознания и следствия приводили к тому, что эти органы не только не достигали своей главной цели (предоставление суду достоверных и полных доказательств виновности (невиновности) тех или иных лиц), но и вызывали у населения чувство недоверия к администрации, правосудию и самим принципам законности и правопорядка Российской империи.

5. Заключение

Изучение деятельности уездной квазиполиции на территории Закаспийской области позволило заключить, что объединение в руках уездной администрации полицейских и административных функций в законе и на практике, а также решение тех хозяйственных задач, что осуществлялись в центральных губерниях органами самоуправления, привели на территориях расселения туркмен к

неблагоприятным результатам в противодействии аламанству. В уездах Закаспийской области сложилась настоятельная необходимость в скорейшей организации профессиональных полицейских учреждений как низшей, так и высшей юрисдикции с учетом условий, характерных для местных уездных особенностей. Однако частое соприкосновение туркмен с русскими полицейскими неминуемо создало бы почву для недовольства населения русскими (колониальными) порядками и могло бы привести к подрыву авторитета имперской власти.

Начальники уездов и приставств перекладывали исполнение своих обязанностей на волостных управителей и сельских старшин, оставлявших их зачастую невыполненными. Было бы целесообразным этим помощникам по полицейской части, в свою очередь, подчинить особых делопроизводителей, наладив тем самым процесс досудебного производства, избавив саму уездную администрацию от рутинной переписки.

Не менее важным было бы посредством согласованных санкций со стороны Военного министерства и министра внутренних дел увеличить количество и содержание, получаемое теми, кто выполнял полицейские (охранные) функции. При этом норма обеспечения уезда джигитами и их денежное содержание должны были исчисляться не только исходя из количества населения, но и на основе точных сведений о размерах отдельных сельских районов и приставств. Однако комплектование полицейской стражи из благонадежных джигитов-туркмен не помогло бы решить другую, не менее важную проблему борьбы с грабежами и разбоями – налаживание в уездах Закаспия деятельности органов дознания и следствия, комплектование которых требовало привлечения настоящих профессионалов, специалистов по борьбе с особо тяжкими, корыстно-насильственными преступлениями.

Нерешенность задач силами квазиполиции, противодействовавшей аламанству, акцентирование внимания профессиональной полиции на решении проблем, связанных с борьбой с политической преступностью, привели в конечном итоге к перерождению аламанства в затяжное басмачество (от турск. «басма» – «налет», «нападение»), продемонстрировавшего еще больший охват, организованность, сопротивление и деструктивность, ответственность за ликвидацию которого взяли на себя большевики при советской власти.

Литература

- Акатова, 1950** – Акатова А.И. Туркменские племена накануне присоединения к России // *Известия Туркменского филиала АН СССР*. 1950. № 5.
- Андреев, 1902** – Андреев А.П. Туркменский аламан (эскиз) // *Исторический вестник*. Т. LXXXIX, № 7. СПб, 1902.
- Бахтиаров, 1926** – Бахтиаров Х-Г. Аламань // *Туркменская искра*. 3 декабря 1926.
- Вамбери, 1865** – Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана чрез Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 г. СПб, 1865. 221 с.
- Васильев, 1888** – Васильев П.С. Ахал-Текинский оазис, его прошлое и настоящее: (Историко-географические очерки Закаспийской области) / (Соч.). СПб., 1888. 100 с.
- Временное положение..., 1892** – Временное положение об управлении Закаспийской области // *Свод Законов Российской империи*. Т.2. 4.1. СПб., 1892.
- Высочайше утвержденное..., 1887** – Высочайше утвержденное Положение о Туркменской милиции Закаспийской области. 15 февраля 1885 года // *Полное собрание законов Российской империи*. Собрание третье (ПСЗРИ-3). Т. 5. СПб., 1887. № 2747.
- ГА РФ** – Государственный архив Российской Федерации.
- Гродеков, 1883** – Гродеков Н.И. Поездка ген. шт. полковника Гродекова из Самарканда через Герат в Афганистан (в 1878 году) // *Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии*. Вып. V. СПб., 1883. Ч. 3.
- Закаспийская область, 1890-1907** – Закаспийская область / Большой энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1890–1907.
- Записки..., 1880** – Записки Кавказского отдела императорского Русского географического общества. Кн. IX. Тифлис, 1880.
- Карпов, 1931** – Карпов Г.И. Аламань // *«Туркменоведение»*. 1931. № 5–6.
- Литвинов, 2014** – Литвинов П.П. Об образовании розыскных пунктов департамента полиции МВД в Туркестане начала XX века (по архивным, правовым и иным материалам) // *Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета*. 2014. Т. 14, № 9. С. 63–70.
- Морозова, 1949** – Морозова А.С. К вопросу о рабстве у туркмен в XIX в. // *Краткие сообщения Института этнографии АН СССР*. М.: 1949. Вып. 6.
- Мунис и Агехи, 1938** – Мунис и Агехи. Фирдаус-уль-икбаль. (МИТТ, II, М.-Л., 1938).
- Отчет по ревизии..., 1910** – Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по Высочайшему повелению Сенатором Гофмейстером Графом К.К. Паленом. СПб., 1910. 221 с.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.

[Реза-кули-хан, 1938](#) – *Реза-кули-хан. Сафарат-намэ-и-Хорезм // Материалы по истории туркмен и Туркмении*. Т. II. АН, 1938.

[Росляков, 1955](#) – *Росляков А.А. Аламаны // Советская этнография*. 1955. № 2.

[Россия и Туркмения..., 1946](#) – *Россия и Туркмения в XIX в. Сборник документов*. Ашхабад, 1946.

[Хайтлиев, 1986](#) – *Хайтлиев А. Уголовное обычное право туркмен /Под. ред. П.Ф. Повелицыной*. Ашхабад, 1986. 234 с.

[Халфин, 1948](#) – *Халфин Н. Россия и Туркмения в XIX в. // Сборник документов (рецензия) // Вопросы истории*. 1948. № 10.

[Хуснутдинова, 2016](#) – *Хуснутдинова Л.Г. Туркмены в Республике Башкортостан*. Уфа: Уфимский государственный нефтяной технический университет, 2016. 150 с.

[Хутарев-Гарнишевский, 2022](#) – *Хутарев-Гарнишевский В.В. Скандал в охранном ведомстве. К становлению русского сыска в Туркестане в 1907–1909 гг. // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований*. 2022. № 2(29). С. 6-24. DOI 10.24412/2409-1413/2022-2-6-24

[ЦГА КР](#) – Центральный государственный архив Кыргызской Республики.

[ЦГАТ](#) – Центральный государственный архив Туркменистана.

References

[Akatova, 1950](#) – *Akatova, A.I. (1950). Turkmenskie plemena nakanune prisoadineniya k Rossii [Turkmen tribes on the eve of joining Russia]. Izvestiya Turkmenskogo filiala AN SSSR*. 1950. № 5. [in Russian]

[Andreev, 1902](#) – *Andreev, A.P. (1902). Turkmenskii alaman (eskiz) [Turkmen alaman (sketch)]. Istoricheskii vestnik*. Т. LXXXIX. № 7. SPb. [in Russian]

[Bakhtiarov, 1926](#) – *Bakhtiarov, Kh-G. (1926). Alamany [Alamans]. Turkmenskaya iskra*. 3 dekabrya. [in Russian]

[GA RF](#) – Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [The State Archive of the Russian Federation].

[Grodekov, 1883](#) – *Grodekov, N.I. (1883). Poezdka gen. sht. polkovnika Grodekova iz Samarkanda cherez Gerat v Afganistan (v 1878 godu) [Trip of General Staff Colonel Grodekov from Samarkand through Herat to Afghanistan (in 1878)]. Sbornik geograficheskikh, topograficheskikh i statisticheskikh materialov po Azii*. Vyp. V. SPb. Ch. 3. [in Russian]

[Karpov, 1931](#) – *Karpov, G.I. (1931). Alamany [Alamans]. Turkmenovedenie*. 5-6. [in Russian]

[Khaitliev, 1986](#) – *Khaitliev, A. (1986). Ugolovnoe obychnoe pravo turkmen [Criminal customary law of the Turkmen]*. Pod. red. P.F. Povelitsynoi. Ashkhabad, 234 p. [in Russian]

[Khalfin, 1948](#) – *Khalfin, N. (1948). Rossiya i Turkmeniya v XIX v. [Criminal customary law of the Turkmen]. Sbornik dokumentov (retsenziya). Voprosy istorii*. 10. [in Russian]

[Khusnutdinova, 2016](#) – *Khusnutdinova, L.G. (2016). Turkmeny v Respublike Bashkortostan [Turkmens in the Republic of Bashkortostan]*. Ufa: Ufimskii gosudarstvennyi neftyanoi tekhnicheskii universitet, 150 p. [in Russian]

[Khutarev-Garnishevskii, 2022](#) – *Khutarev-Garnishevskii, V.V. (2022). Skandal v okhrannom vedomstve. K stanovleniyu russkogo syska v Turkestane v 1907–1909 gg. [A scandal in the security department. Towards the formation of the Russian detective in Turkestan in 1907-1909]. Zhurnal rossiiskikh i vostochnoevropeiskikh istoricheskikh issledovaniy*. 2(29): 6-24. DOI 10.24412/2409-1413/2022-2-6-24 [in Russian]

[Litvinov, 2014](#) – *Litvinov, P.P. (2014). Ob obrazovanii rozysknykh punktov departamenta politsii MVD v Turkestane nachala KhKh veka (po arkhivnym, pravovym i inym materialam) [On the formation of search points of the Police Department of the Ministry of Internal Affairs in Turkestan at the beginning of the twentieth century (according to archival, legal and other materials)]. Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavyanskogo universiteta*. 14(9): 63-70. [in Russian]

[Morozova, 1949](#) – *Morozova, A.S. (1949). K voprosu o rabstve u turkmen v XIX v. [To the issue of slavery among the Turkmen in the XIX century]. Kratkie soobshcheniya Instituta etnografii AN SSSR*. М. Vyp. 6. [in Russian]

[Munis i Agekhi, 1938](#) – *Munis i Agekhi (1938). Firdaus-ul'-ikbal' [Firdaus-ul-iqbal]*. (MITT, II, М.-Л.). [in Russian]

[Otchet po revizii..., 1910](#) – *Otchet po revizii Turkestanskogo kraya, proizvedennoi po Vysochaishemu poveleniyu Senatorom Gofmeisterom Grafom K.K. Palenom [Report on the audit of the Turkestan region, carried out by the Highest order of Senator Chamberlain Count K.K. Palen]*. SPb., 1910. 221 p. [in Russian]

[Reza-kuli-khan, 1938](#) – *Reza-kuli-khan (1938). Safarat-name-i-Khorezm [Safarat-nameh-i-Khorezm]. Materialy po istorii turkmen i Turkmenii*. Т. II. АН. [in Russian]

[RGIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [The Russian state historical archive].

[RGVIA](#) – Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv [The Russian state military historical archive].

[Roslyakov, 1955](#) – *Roslyakov, A.A. (1955). Alamany [Alamans]. Sovetskaya etnografiya*. 2. [in Russian]

- [Rossiya i Turkmeniia..., 1946](#) – Rossiya i Turkmeniia v XIX v. [Russia and Turkmenistan in the XIX century]. Sbornik dokumentov. Ashkhabad, 1946. [in Russian]
- [TsGA KR](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Kyrgyzskoi Respubliki [Central State Archive of Kyrgyzstan].
- [TsGAT](#) – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Turkmenistana [The Central State Archive of Turkmenistan].
- [Vamberi, 1865](#) – *Vamberi, A.* (1865). Puteshestvie po Srednei Azii. Opisanie poezdki iz Tegerana chrez Turkmenskuyu step' po vostochnomu beregu Kaspiiskogo morya v Khivu, Bukharu i Samarkand, sovershennoi v 1863 g. [A journey through Central Asia. Description of a trip from Tehran across the Turkmen steppe along the eastern shore of the Caspian Sea to Khiva, Bukhara and Samarkand, made in 1863]. SPb., 221 p. [in Russian]
- [Vasil'ev, 1888](#) – *Vasil'ev, P.S.* (1888). Akhal-Tekinskii oazis, ego proshloe i nastoyashchee: (Istoriko-geograficheskie ocherki Zakaspiiskoi oblasti) [Akhal-Tekin oasis, its past and present: (Historical and geographical sketches of the Transcaspian region)]. (Soch.). SPb., 100 p. [in Russian]
- [Vremennoe polozhenie..., 1892](#) – Vremennoe polozhenie ob upravlenii Zakaspiiskoi oblasti [Temporary regulation on the administration of the Transcaspian region]. Svod Zakonov Rossiiskoi imperii. T.2. 4.1. SPb., 1892. [in Russian]
- [Vysochaishe utverzhdennoe..., 1887](#) – Vysochaishe utverzhdennoe Polozhenie o Turkmenskoi militsii Zakaspiiskoi oblasti. 15 fevralya 1885 goda [The most highly approved Regulation on the Turkmen Militia of the Transcaspian region]. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi imperii. Sobranie tret'e (PSZRI-3). T. 5. SPb., 1887. № 2747. [in Russian]
- [Zakaspijskaya oblast', 1890-1907](#) – Zakaspijskaya oblast' [Transcaspian region]. Bol'shoi entsiklopedicheskii slovar' Brokgauza i Efrona. SPb., 1890–1907. [in Russian]
- [Zapiski..., 1880](#) – Zapiski Kavkazskogo otdela imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva [Notes of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society]. Kn. IX. Tiflis, 1880. [in Russian]

Квазиполиция уездов Закаспийской области Российской империи в борьбе с грабежами и бандитизмом

Илья Исакович Аминов ^{a, *}

^a Московский политехнический университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящается изучению одной из главных проблем утверждения русской власти при постепенном занятии Российской империей территории расселения центрально-азиатских народов – водворению спокойствия и безопасности как в Закаспийской области, так и на всей территории Средней (Центральной) Азии. При этом исторические источники красноречиво свидетельствуют о противодействии этой политике значительного количества организованных банд, промышленно набегам, грабежам, разбоями, работоторговлей, угрожавших мирной и покорной части местного населения. Поскольку регулярные полицейские учреждения в начале XX столетия в уездах Закаспия еще только намечались, уездная администрация края, выполнявшая военную, полицейскую и хозяйственную функции, в целях обеспечения законности и правопорядка была вынуждена формировать квазиполицейские подразделения. Данный подход в Закаспийской области привел к комплектованию уездной стражи преимущественно из вольнонаемных кавалеристов-туркмен (джигитов), хорошо знавших региональные экстремальные условия, национальный язык, традиции и обычаи туркмен. Возложение же обязанностей несения полицейской службы на кадровых военных было признано несостоятельным не только вследствие незнания ими языка и жизненного уклада местного населения, но и полного несоответствия командировавшихся воинских чинов к исполнению элементарных полицейских обязанностей по причине стремления военного командования избавиться таким образом от тех, кто был непригоден к строевой службе или нарушал воинскую дисциплину. Однако комплектование полицейской стражи из туркмен-джигитов при всех побочных трудностях не помогло решить другую, не менее важную проблему борьбы с грабежами и разбоями – наладить на периферии уездов Закаспийской области деятельность органов уголовного розыска, дознания и следствия, комплектование которых требовало привлечения квалифицированных специалистов – истинных борцов с особо тяжкими, корыстно-насильственными преступлениями.

Ключевые слова: Закаспийская область, аламан, бандформирования, городская полиция, уездная квазиполиция, туркмены, джигиты, розыск, следствие, дознание.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: aminovii@mail.ru (И.И. Аминов)